

УДК 94(430)

БРАТЬЯ ГРИММ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ ГЕРМАНИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.*Н. Н. Баранов***THE BROTHERS GRIMM IN THE POLITICAL CULTURE OF GERMANY
IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY***N. N. Baranov*

В статье предложена новая интерпретация традиционного образа братьев Гримм как далеких от политики кабинетных ученых. На основе опубликованных источников личного происхождения братьев и людей их круга дан анализ степени и значения их участия в основных политических событиях на территории Германии и Европы в первой половине XIX в. Братья Гримм в своем научном творчестве и общественной деятельности с одной стороны предстают сторонниками конституционного строя и гражданского общества, а с другой – сильного монархического государства и развития национальных традиций. В этом проявлялся противоречивый характер основ политической культуры Германии эпохи модерна.

The paper proposes a new interpretation of the traditional view on the Brothers Grimm as armchair scientists far removed from politics. The role and significance of the Brothers' participation in the major political events in Germany and Europe in the first half of the 19th century were analyzed on the basis of published personal sources and those of the people around them. On the one hand, the Brothers Grimm in their scientific work and social activities were supporters of the constitutional system and civil society, and on the other – of a strong monarchical state and national traditions development. This reflects the contradictory nature of the foundations of German political culture of the Modern epoch.

Ключевые слова: Германия, эпоха реставрации, германистика, франкфуртское Национальное собрание, «геттингенская семерка», «Немецкий словарь».

Keywords: Germany, Conservative Order, German studies, Frankfurt Parliament, «Gottingen Seven», «German dictionary».

Образ братьев Гримм практически у любого современного человека неизбежно вызывает ряд стереотипных ассоциаций. Все читали, слушали или смотрели киноверсии сказок братьев Гримм. Они – создатели многотомного «Немецкого словаря». Старший брат Якоб – автор классической «Немецкой грамматики». Менее известно, что Гриммы большую часть жизни предпочитали работать в двух рядом расположенных кабинетах. Это было место, где они чувствовали себя лучше всего, и откуда их периодически изгоняла Доротея – супруга младшего брата Вильгельма, «чтобы мужчины не заплесневели за словарями». Они идеально вписываются в образ кабинетных ученых. Вторым любимым занятием братьев с молодости было посещение библиотек с их несметными богатствами. В общей сложности на протяжении 30 лет они исполняли должностные библиотечарей, и это занятие их вполне устраивало. Классический тип «книжных червей». Наконец, их можно представить в прогулках по деревням и полям их гессенской родины, в поисках сказок, легенд и других традиций, собирание, сохранение и толкование которых стало целью их жизни.

Политическая активность, казалось бы, совсем не соответствуют традиционному образу жизни обоих братьев. При этом политика, были это великие события мирового масштаба или местные происшествия в пределах маленького территориального государства, постоянно оказывала влияние на их повседневную жизнь. Когда Якобу было четыре, а Вильгельму три года, во Франции разразилась революция, эхо взрыва которой скоро докатилось до Гессен-Касселя, где их отец служил государственным чиновником сначала в городке Ханау, а позднее в Штайнау. После ранней

смерти отца братья учились в лицее в земельной столице Касселе и с 1802 по 1806 гг. изучали право в университете Марбурга. В это время они пережили экспансию наполеоновской Франции, жертвой которой, в конце концов, стала их родина. В 1807 г. Кургессен был аннексирован и вошел в состав Вестфальского королевства под управлением младшего брата Наполеона Жерома Бонапарта. Правда, после того как вслед за отцом скончалась мать и Якоб как старший в семье должен был взять на себя заботу о пяти младших братьях и сестрах, он получил место библиотекаря в личной библиотеке Жерома. Однако это не уменьшило чувства неприязни к чужеземному господству. Годы спустя Вильгельм отмечал в своей автобиографии 1830 г. о поразивших его неприятных переменах в Касселе: «чужие люди, чужие нравы, на улицах и дорожках чужой громко звучащий язык» [3, с. 3].

Братья, уже приобретшие определенную известность своими первыми публикациями, приветствовали очевидный после 1812 г. поворот в ходе войны. Когда весной 1814 г. союзные войска вступили в Париж, Якоб Гримм прибыл туда в качестве секретаря кургессенской миссии, чтобы обеспечить возврат реквизируемых французами культурных ценностей. Осенью того же года Якоб был отправлен участвовать в работе Венского конгресса. Однако его надежды на принятие свободной имперской конституции вскоре рухнули. Его разочарование нашло свое выражение в серии статей для издававшейся Й. Герресом газеты «Рейнский Меркурий» вплоть до ее запрета в 1816 г.

В том же году братья окончательно вернулись в библиотеку в Касселе. Дипломатическая деятельность

в период освободительной войны отрезвила Якоба, а очевидное усиление реставраторских тенденций в Германии разочаровывало обоих. Заняв скромные должности библиотекарей, они находили время и возможности развивать свою широкую исследовательскую деятельность. Когда позднее Вильгельм в 39 лет женился, его новое супружеское счастье не только не разрушило братского согласия, но скорее даже усилило его. Семейная и академическая идиллия вдали от политики казалась обеспеченной на длительный срок. Однако обстоятельства вновь привели обоих в политику.

На рубеже 1829 – 1830 гг. Якоб и Вильгельм Гримм заняли должности профессоров и библиотекарей в геттингенском университете на территории Ганновера, после того как против ожидания они по воле курфюрста не получили руководящих мест в библиотеке в Касселе. Вместе с тем после длительных лишений появились благоприятные предпосылки для развития их профессиональных способностей в качестве ученых: братья занялись исследованиями и преподаванием в одном из самых известных немецких университетов и больше не должны были заботиться о средствах к существованию. Однако через 7 лет они совершенно неожиданно для себя оказались в центре прогремевшего на всю Германию политического скандала, были лишены работы и изгнаны.

Что вызвало этот внезапный удар судьбы? В середине 1837 г. со смертью короля Вильгельма IV закончился длившийся более 120 лет период личной унии Англии и Ганновера. На британских островах стала царствовать королева Виктория, а в Ганновере – ее дядя Эрнст Август. В высшей степени консервативный новый король отказался присягнуть основному закону государства, введенному в 1833 г. по инициативе сословного собрания. Он отменил конституцию и освободил государственных служащих от принесенной на верность ей клятвы.

Настал час знаменитой «Геттингенской семерки». Семеро из общего числа в ту пору 32 геттингенских профессоров, в том числе братья Гримм под руководством Фридриха Кристофа Дальмана 7 ноября 1837 г. сделали заявление, что по их представлениям и совести основной закон остается действующим и потому они не могут быть освобождены в одностороннем порядке от конституционной клятвы. Хотя университетское руководство пыталось сначала утаить, а затем преуменьшить значение этого заявления, оно вскоре стало достоянием общественности и преподносилось как прямой протест против монархического произвола. Королевский гнев тут же обрушился на непокорных подданных. Его наивысшей точкой стали решение университетского суда об увольнении профессоров и королевское распоряжение о пожизненной высылке трех из них как изменников. 17 декабря 1837 г. Дальман, Якоб Гримм и историк литературы Георг Густав Гервинус, под приветственные выкрики многочисленных сопровождавших их студентов пересекли границу между Ганновером и Кургессеном южнее Геттингена. Выступление «Геттингенской семерки» дало ясный сигнал для всей Германии – не только радикальные студенты, но и уважаемые профессора способны противостоять своеволию

правителей. Был организован сбор денег в пользу «семерки», им предлагалась всевозможная помощь.

«Политические профессора» стали лидерами либерального движения предмартовской Германии. В отсталых по сравнению с Западной Европой германских государствах именно профессора были самыми важными представителями гражданского общества и выразителями его потребности в политических реформах. С кафедр немецких университетов, которые тогда представляли собой практически единственные общегерманские учреждения, профессора внедряли в сознание студенческой молодежи идеи «хорошего государства» и «справедливой конституции». Они требовали участия буржуазии в принятии ответственных политических решений и государственного единства Германии. Многие из них были также основоположниками политической науки, в первую очередь Дальман, автор ганноверского Основного закона инициатор геттингенского протеста и самый близкий друг обоих братьев Гримм во время их пребывания в Геттингене. Эти профессора изучали политику, преподавали ее и в то же время действовали как политики, участвуя в парламентах своих государств.

Однако члены «геттингенской семерки» осознавали свой протест против уничтожения конституции королем как действие по сути неполитическое – все подписанты были в этом единодушны. Протест для них был в первую очередь выражением их этических принципов. Чтобы не могло возникнуть никаких сомнений в мотивах протеста, Дальман и Якоб Гримм написали разъясняющую статью, которая после трудностей с органами цензуры в нескольких германских государствах была опубликована в апреле 1838 г. в Швейцарии. Квинтэссенция позиции Якоба Гримма, изложенной под названием «О моем увольнении» выражена уже в эпиграфе, взятом из опубликованной Гриммами «Песни о Нибелунгах» – «*War sint die Eide komen?*» («Куда деваются клятвы?») [8].

Братья, а письмо Якоба его младший брат читал и корректировал, придавали большое значение своей непричастности какой-либо политической партии. Они вели речь исключительно о том, что были связаны клятвой, которая не могла потерять силу одним росчерком пера монарха. Как профессора они потеряли бы уважение студентов и самоуважение, если бы смирились с монархическим произволом по причинам политической лояльности. В письме от 26 декабря 1839 г. к Беттине фон Арним, их многолетней подруге и покровительнице, Гримм еще раз прояснил мотивы Геттингенского заявления: «О нашем геттингенском протесте я почти ничего больше не могу сказать. Мне казалось и кажется, что любой легко способен его оценить. При этом все зависит только от права и совести. Никакие политика и благоразумие не должны говорить одновременно, что можно выразить также следующим образом: поступай справедливо и добросовестно, в конечном счете, политически и умно и оправдаешься перед Богом» [4, s. 133].

В геттингенском конституционном конфликте столкнулись два мира. С одной стороны, это было высокомерие монарха, который видел в подданных только безропотных исполнителей своей воли. Не-

сколько лет спустя после увольнения и высылки геттингенской семерки король Эрнст Август утверждал: «профессоров, проституток и танцовщиц можно получить повсюду, где им предлагают на несколько талеров больше» [3, s. 5]. С другой стороны, выступала верность ученых своим взглядам и убеждениям, их стремление защитить, по словам Дальмана из его объяснительной записки «К взаимопониманию» (Базель, 1838 г.) «бессмертного короля, законную волю правительства» от «смертного короля», если он нарушал право и конституцию [6, s. 30]. Участники «геттингенской семерки», и это особенно верно для братьев Гримм, хотели бы представить свои действия как аполитичные и не революционные, но своим протестом они все же были признаны представителями либерализма и правового государства. В эпоху реставрации они вызвали к жизни ожидания и надежды, которые требовали осуществления.

В 1841 г. братья Гримм были приглашены новым прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV – «романтиком на троне» в Берлин в качестве оплачиваемых членов академии наук. Теперь они снова не отягощенные материальными заботами могли посвятить себя разносторонним трудам на широком поле германистики. В представлении обоих отцов-основателей этой науки она охватывала как область изучения немецкого языка, так и германское право, и историю Германии. Германистка объединяла все три дисциплины на основе исторического метода. Политический импульс, который скрывался за этой научной программой, стал очевидным, когда в сентябре 1846 г. в старинном императорском зале франкфуртской ратуши в первый раз собрался съезд германистов. Якоб Гримм, единодушно избранный председателем, заявил в своей речи при открытии съезда, что хотя сама политика должна оставаться вне обсуждения, вопросы истории, права и языка, которые затрагивают политическую сферу, должны подниматься со всей научной строгостью. Показательным примером подобного научного рассмотрения политических вопросов стали высказывания собравшихся по поводу тлевшего уже в течение нескольких десятилетий конфликта вокруг Шлезвига и Гольштейна. Речь шла о том, должно ли герцогство Шлезвиг войти в состав датского или немецкого государства. Для германистов во главе с Якобом Гриммом на это был единственный ответ: если бы только не средневековое положение договора, что Шлезвиг и Гольштейн должны навсегда оставаться неделимыми, само собой разумеется, «что говорящие по-немецки принадлежат к нам и не должны отрываться», как писал Я. Гримм Гервинусу 16 августа 1846 г. [5, s. 82].

Якоб Гримм не рвался к политической деятельности, но если на кону стояла судьба отечества, он не уклонялся от вызовов. Так и произошло, когда мартовская революция 1848 г. открыла путь к национально-государственному объединению всех немцев на основе либеральной конституции. Он был избран в Национальное собрание во Франкфурте на Майне от 29 рейнско-прусского избирательного округа, который территориально охватывал Мюльхайм на Руре и Эссен. 24 мая 1848 г. Гримм занял предназначенное ему место в первом ряду у центрального прохода на

отдельном сиденье напротив ораторской трибуны и президиума. Там же он вновь встретил троих из шестерых своих соратников по «геттингенской семерке» – Дальмана, Гервинуса и государственоведа Альбрехта. С ними и большинством из 49 университетских профессоров, избранных в национальное собрание, он присоединился к так называемой партии «казино». Эта правоцентристская политическая группировка выступала в поддержку программы создания конституционной монархии на основах правового государства. Как кратко и лаконично обрисовал ее Якоб Гримм в благодарственном письме, адресованном избирателям его округа «Я выступаю за свободное единое отечество под властью могущественного короля и против всяких республиканских стремлений. Детали мне подскажут мое сердце и время» [3, s. 6].

Якоб Гримм много раз брал слово в Национальном собрании, в том числе дважды по конституционным вопросам. Как и большинство немецких либералов того времени, он стремился при разработке конституции опираться на исторический опыт – не для восстановления отживших порядков, но для возрождения и дальнейшего развития старинных прав немецкого народа. В этом смысле он предложил 4 июля 1848 г. в качестве первой статьи «Основных прав немецкого народа»: «Все немцы свободны, немецкая земля не терпит никакой кабалы. Приезжих подневольных, которые остаются здесь, она делает свободными» [9, s. 729]. Это предложение поначалу было встречено аплодисментами, но затем отклонено 205 голосами против 192. Многим депутатам чрезмерной казалась связь гарантий буржуазных свобод в государстве с приверженностью к немецкому национальному духу. Самую продолжительную речь в национальном собрании – «О дворянстве и орденах» Якоб Гримм произнес 1 августа 1848 г. Сословные различия, как и штатские ордена, представлялись ему устаревшими, подлежали отмене и замещению свободными гражданско-правовыми объединениями [9, s. 1310 – 1312]. Однако он не смог провести и это предложение. Его вторая речь от 9 июня 1848 г. и содержавшееся в ней предложение сначала имели успех. Речь шла о необходимости объединения Германии в общем и о шлезвиг-гольштейнском вопросе в частности. Якоб Гримм со ссылкой на свои научные работы объяснял, что жители Шлезвига издавна историей и языком связаны с Германией. Он призывал вести войну против Дании до тех пор, пока не будут признаны справедливые права Германии на неделимый Шлезвиг, и настаивал на принятии заявления Национального собрания о недопустимости внешнего вмешательства в дела, связанные с обеспечением национальных интересов [9, s. 289 – 290].

Однако Пруссия, которая должна была вести эту союзную войну, в конце августа 1848 г. самовольно заключила перемирие с Данией. Большинство собравшихся в Паульскирхе депутатов немецкого народа выступило с решительным протестом против этого соглашения. По инициативе Дальмана, сплоченное большинство левых депутатов при поддержке части центра и даже консерваторов, 5 сентября 1848 г. приняло решение отклонить соглашение о перемирии. Однако уже 16 сентября большинством голосов соб-

рание согласилось на выполнение соглашения о перемирии. Реальная политика одержала победу над верностью убеждениям. Одновременно для Якоба Гримма настало время отхода от активной политики. 2 октября 1848 г. он сложил мандат и вернулся в Берлин. Это был в меньшей степени акт протеста против определенной политики, скорее выражение неприязни к политическим будням и компромиссам. Уже в первой речи 29 мая 1848 г. о регламенте он высказал недовольство по поводу медлительных парламентских процедур, особенно совещаний комитетов. По мнению Гримма, национальное собрание должно было только декларировать то, что было давно ясно народному духу – конституцию единства и свободы всех немцев. То, что в действительности происходило тогда во Франкфурте между фракциями и во всей Германии между парламентами и князьями он воспринимал как выражение дипломатических маневров и политических интриг вопреки требованиям времени.

Не в последнюю очередь отход Якоба Гримма, приверженца в равной степени сильной и ответственной королевской власти от политики, был связан с его разочарованием в тщеславных и слабых германских правителях. Это в первую очередь относилось к прусскому королю, который не понимал своих общегерманских задач и отказался от предложенной ему императорской короны.

Спустя год после преисполненного надежд письма к своим избирателям в Руре, в мае 1849 г. Гримм мог только констатировать, что ни свободного, ни единого отечества, ни даже сильной в полном смысле королевской власти не получилось. Снова и снова он сетовал, например, в письме геттингенскому историку Георгу Вайцу в 1859 г.: «Как часто печальная судьба нашего отечества должна приходить на ум, западать в сердце и отравлять жизнь. Даже не нужно думать о спасении, если оно не сопровождается большими опасностями и переворотами» [3, s. 7].

После политических волнений и разочарований 1848 – 1849 гг. Якоб Гримм жаждал спокойствия в кругу семьи брата и деятельности в среде ученых в Берлине. При этом академические занятия, которые ждали там его и брата неизбежно приобретали политическое значение. На первом месте стояла масштабная задача создания «Немецкого словаря». Он должен был охватывать весь нововерхненемецкий словарный состав от Мартина Лютера до Иоганна Вольфганга фон Гете.

Уже начало этого проекта свидетельствовало о его политическом значении. Когда оба брата в 1838 г. были лишены места и дохода, они приняли предложение издательства предпринять собрание немецкой лексики. Якоб в письме брату называл словарь «плодом нашей ссылки». Оба предвидели, что берут на себя большое бремя, но не могли представить себе его реальную тяжесть. Только в 1854 г. увидел свет первый том. Якоб Гримм писал в предисловии к нему, что масса слов падала на составителей и засыпала их «целыми днями как тонкие, плотные снежные хлопья с неба». Когда 16 декабря 1859 г. на 74 году жизни умер Вильгельм, он закончил только взятую им на себя единственную букву «D». Якоб как старший и

более напористый брат обрабатывал буквы A, B, C и затем E и F. Он умер 20 сентября 1863 г. в 79 лет, когда занимался редакцией статьи о слове «Фрукт».

Якоб Гримм в знаменитом предисловии к первому тому словаря ясно указывал на существование тех политических надежд, которые были связаны с этим гигантским филологическим произведением. Для него побудительными мотивами труда были «окрепшая любовь к отечеству и непреходящее желание его более прочного объединения», а само произведение он преподносил «на алтарь любимого отечества». Словарь должен был возвысить славу немецкого языка и немецкого народа, «которые были едины». Предисловие выливалось в патриотический призыв: «Любимые соотечественники немцы, какой бы империи, какой бы веры ни были, вступайте в открытый всем вам зал вашего исконного, древнего языка, чтобы вы учили, почитали и держались его, ваши народная сила и время связаны с ним. Он еще распространяется через Рейн вплоть до Эльзаса, до Лотарингии, через Айдер глубоко в Шлезвиг-Гольштейн, по побережью Балтийского моря до Риги и Ревеля, по ту сторону Карпат в стародавние области Семиградья. Также к вам, эмигрировавшие немцы, над соленым морем доберется эта книга и навеет или укрепит щемящие, прелестные мысли о родном языке, языке сопровождающих вас наших поэтов, как вечно продолжают жить английские и испанские в Америке» [7, s. LXVIII].

Братья находились под влиянием идей Иоганна Готтфрида Гердера и романтиков, что в языке, литературе и истории, а шире в культуре воплощается дух народа. В более поздних понятиях Гриммов можно обозначить как опекунов немецкой «культурной нации», которые стремились однако к ее преобразованию в «государственную нацию». Работу обоих братьев по новому открытию сохранению, и дальнейшему развитию немецкого языка можно считать сегодня существенным основанием «немецкой идентичности».

Язык означал для них не только средство, но и содержание как частных, так и публичных коммуникаций, в языке люди воплощают свое национальное самосознание. При этом ни у Гриммов, ни у Гердера еще нет никакого экспансионистского и националистического высокомерия, что можно было бы предположить при чтении процитированного выше окончания предисловия или первой строфы национального гимна Германии, которую написал близкий Гриммам Гофман Фаллерслебен. Их интерес к языку одновременно был патриотическим и космополитным, они исследовали и содействовали исследованию многочисленных других германских, славянских и романских языков. В центре дела всей жизни братьев было, однако, собрание и исследование немецкого языка и немецких традиций.

Речь идет не только о трудах по германистике в узком смысле слова, как первое издание в 1819 г. «Немецкой грамматики» Якоба Гримма с законом передвижения согласных, всемирно известным «законом Гримма», или выпуск многочисленных старонемецких литературных памятников, как «Песнь о Хильдебранде», осуществленный Вильгельмом в 1830 г. Также в программу входили собрание «Дет-

ских и домашних сказок» и «Немецких саг», исследование Якобом немецких мифов. И, наконец, оба брата, которые изучали юриспруденцию и на протяжении всей жизни поддерживали дружеские отношения со своим университетским учителем, основателем исторической школы права Фридрихом Карлом фон Савиньи, также собирали и издавали многочисленные исторические памятники права. Якоб опубликовал в 1828 г. «Немецкие юридические древности» в 1000 печатных страниц и издал с 1840 г. 4 тома «Наставлений» из круга крестьянских правовых преданий. Братья были убеждены, что, как и язык, право также не конструируется и узаконивается, а формируется из устной традиции народа и черпается из преданий.

Гриммы, как и их друзья, и современники-романтики верили и надеялись на органическое дальнейшее развитие исторической жизни. Для них, как это выразил Якоб в предисловии к первому тому «Немецкого словаря» (1854), с одной стороны падал «на бесчисленные места нашей современности свет из прошлого», а с другой – из сегодняшнего дня свет на некоторые «лежащие в темноте пятна и вершины старого

языка» [7, s. IV]. Поэтому братья воспринимали свои масштабные исторические труды не только как продукты научной эрудиции, но и как «весьма и весьма политические», как говорил Якоб о его появившейся в 1848 г. «Истории немецкого языка». В исследовании прошлого они находили утешение на фоне малопривлекательных будней и надежды на лучшее будущее. На историю в целом распространялось то, что Вильгельм установил для сказки в частности: из нее можно извлечь уроки, пригодные для современности. При всем разочаровании и упадке духа из-за политического положения братья все же надеялись на возвращение «времен, когда заклания еще помогали» – так начиналась первая сказка из их коллекции «Король-лушенок или Железный Генрих».

Еще при жизни братья Гримм были удостоены общественного уважения, которое проявлялось в различных формах, следствием чего стал некоторый флер легендарности вокруг этой поразительной пары ученых. После их смерти их жизнь и деятельность еще больше ушла в область мифов. До сегодняшнего дня каждое поколение немцев создает свой собственный образ Якоба и Вильгельма Гриммов.

Литература

1. Герстнер Г. Братья Гримм / пер. с нем. Е. Шеншина; предисл. Г. А. Шевченко. М.: Молодая гвардия, 1980. 271 с.
2. Скурла Г. Братья Гримм: Очерк жизни и творчества / пер. с нем. С. Шлапоберской; предисл. А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. 304 с.
3. Bleek W. Die Bruder Grimm und die deutsche Politik // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 1986. 4 Januar (№ B 1/86). S. 3 – 16.
4. Briefwechsel Bettine von Arnims mit den Brüdern Grimm 1838 – 1841 // Herausgegeben von Hartwig Schultz. Frankfurt am Main: Insel, 1985. 418 s.
5. Briefwechsel zwischen Jacob und Wilhelm Grimm, Dahlmann und Gervinus. Herausgegeben von Eduard Appel. Bd. 2. Berlin: Dümmler, 1886. 592 s.
6. Dahlmann F. Ch. Zur Verständigung. Basel, 1838. 86 s.
7. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Bd. 1. Berlin: Hirzel, 1854. 967 s.
8. Grimm J. Über seine Entlassung. Basel, 1838. 42 s.
9. Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der Deutschen Constituirenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main hrsg. auf Beschluß der Nationalversammlung durch die Redaktionskommission und in deren Auftrag von Professor Franz Wigard. Frankfurt am Main, 1848. Bd. 1. S. 1 – 782; Bd 2. S. 783 – 1572.

Информация об авторе:

Баранов Николай Николаевич – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, зав. кафедрой Новой и новейшей истории Уральского федерального университета, baranov61@mail.ru.

Nikolay N. Baranov – Doctor of History, Associate Professor, Leading Research Associate at the Institute of History and Archeology of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.